

ОДИН ВЫБОР ОСВОБОДИТ ЕГО

ЧЕТЫРЕ

ИСТОРИЯ ДИВЕРГЕНТА

ВЕРОНИКА РОТ

Дивергент

Вероника Рот

Четыре. История дивергента

«ЭКСМО»

2014

Рот В.

Четыре. История дивергента / В. Рот — «Эксмо»,
2014 — (Дивергент)

ISBN 978-5-699-78433-2

Перед вами приквел к культовой трилогии-антиутопии о выживании подростков и взрослых в экспериментальной реальности. В сборник вошли четыре рассказа: «Перешедший», «Неофит», «Сын», «Предатель», а также дополнительный бонус для фанатов – «Эксклюзивные сцены из “Дивергента”, рассказанные от лица Тобиаса». Главный герой книги, Тобиас Итон по прозвищу «Четыре», сын деспота Маркуса из фракции Альтруистов, станет в недалеком будущем наставником, а потом и парнем мятежной Трис. Но пока персонажи находятся только в самом начале пути, матрица еще не раскручивается, а Тобиас уже проявляет характер. Отчаявшийся парень пытается вырваться на свободу и сбежать от лицемера-отца. В итоге Тобиас выбирает не фракцию Альтруистов, как положено ему по наследству, а экстремальное Лихачество. Но найдет ли он здесь убежище и спасение от самого себя?.. Впервые на русском языке!

ISBN 978-5-699-78433-2

© Рот В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Предисловие	6
Перешедший	7
Неофит	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вероника Рот

Четыре. История дивергента

© Н. Коваленко, перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Моим славным и мудрым читателям

Предисловие

Вначале я писала «Дивергента» от лица Тобиаса Итона – парня из фракции Альтруизма. У Тобиаса есть некоторые проблемы с отцом, и он жаждет сбежать из своей фракции. Через тридцать страниц я достигла мертвой точки, поскольку Тобиас не вполне годился на роль главного рассказчика. Четыре года спустя, когда я вновь вернулась к этой книге, то нашла подходящего героя – девушку Трис из фракции Альтруизма, которая решила испытать себя. Но я не забывала и о Тобиасе – он вошел в мою историю под прозвищем Четыре – как инструктор, друг и парень Трис, равный ей во всем. Мне всегда хотелось раскрыть его характер, потому что Тобиас представлялся мне по-настоящему живым каждый раз, когда появлялся на страницах книги. Я считаю его сильным персонажем во многом из-за того, что он всегда старается преодолеть трудности, умудряясь даже в чем-то преуспеть.

Действие трех первых рассказов – «Перешедший», «Неофит» и «Сын» – происходит до встречи Тобиаса и Трис. Здесь же показан путь Тобиаса из Альтруизма в Лихачество и описывается то, как он развивал свою силу и стойкость. В последнем произведении – «Предатель», – хронологически пересекающемся с серединой «Дивергента», Тобиас знакомится с Трис. Мне очень хотелось описать их первую встречу, но она, к сожалению, не вписывалась в ход повествования романа «Дивергент». Зато теперь все детали можно найти в конце этой книги.

Итак, здесь появляется Трис – ее история ведется как раз с того момента, когда Трис стала контролировать свою жизнь, не забывая о собственной личности. Кроме того, на этих страницах мы можем проследить такой же путь, проделанный Тобиасом. А остальное, как говорится, уже вошло в историю.

Вероника Рот

Перешедший

Я выхожу из симуляции с криком. Мои губы болят, и я прижимаю к ним ладонь. Когда я подношу ее к глазам, то вижу кровь на кончиках пальцев. Должно быть, я прикусил их во время испытания.

Женщина из лихачей, следящая за моим индивидуальным испытанием, – она представилась Тори – как-то странно смотрит на меня. Потом она откидывает свои черные волосы назад и завязывает их в узел. Ее руки целиком покрыты татуировками, изображающими пламя, лучи света и крылья ястреба.

– Ты знал, что все происходило не по-настоящему? – бросает мне Тори, выключая систему.

Ее голос звучит небрежно, но ее тон – просто-напросто привычка, выработанная годами. Я сразу это понимаю. Я всегда замечаю такие вещи.

Внезапно я слышу свое сердцебиение. Отец предупреждал меня о подобной реакции. Он сказал, что меня спросят, осознавал ли я происходящее во время симуляции. И он посоветовал, как мне ответить.

– Нет, – говорю я. – Думаешь, я бы прокусил губу, будь я в сознании?

Тори сверлит меня взглядом в течение нескольких секунд, покусывает пирсинг в губе и произносит:

– Поздравляю. Твой результат – Альтруизм.

Я киваю, но слово «Альтруизм», как петля, сжимается вокруг моей шеи.

– Разве ты не рад? – произносит Тори.

– Члены моей фракции будут очень рады.

– Я спросила не о них, а о тебе, – уточняет она. Уголки губ и глаз Тори опущены вниз, будто под тяжестью веса, как будто она о чем-то грустит. – В комнате безопасно. Здесь ты можешь говорить все, что угодно.

Еще до того как я пришел сегодня в школу, я знал, к чему приведет мой выбор в индивидуальном испытании. Я предпочел еду, а не оружие. Я кинулся к злобной собаке – буквально впился в ее пасть, – чтобы спасти маленькую девочку. Я знал, что когда испытание закончится, результатом будет Альтруизм. Если честно, я до сих пор не представляю, как бы я поступил, если бы отец не посоветовал мне, что делать, и если бы он не следил за моим испытанием издалека. Что еще я мог ожидать?

В какой фракции я бы хотел оказаться?

В любой. В любой, кроме Альтруизма.

– Я рад, – твердо отчеканиваю я. Что бы Тори ни говорила – здесь вовсе не безопасно. Нигде небезопасно, нигде нельзя сказать правду или поделиться секретом.

Я по-прежнему чувствую, как зубы пса смыкаются у меня на руке, разрывая кожу. Я киваю Тори и направляюсь к двери, но она берет меня за локоть, прежде чем я успеваю уйти.

– Тебе нужно сделать свой собственный выбор, – заявляет она. – Остальные преодолеют себя, будут двигаться дальше, что бы ты ни решил. Но ты никогда не сможешь быть, как они.

Я открываю дверь и ухожу прочь.

* * *

Я возвращаюсь в столовую и сажусь за стол альтруистов рядом с людьми, которые едва меня знают. Отец не разрешает мне появляться практически ни на одном общественном мероприятии. Он утверждает, что я натворю что-нибудь и испорчу его репутацию. А я и не рвусь.

Мне лучше всего затаиться у себя комнате в нашем тихом доме, а не маяться в окружении почтительных и смиренных альтруистов.

В результате моего постоянного отсутствия другие члены фракции опасаются меня, будучи уверенными, что со мной что-то не так: дескать, я больной, безнравственный или просто странный. Даже те, кто охотно кивают мне в знак приветствия, стараются не смотреть мне прямо в глаза.

Я сижу, сжимая колени и наблюдая за окружающими, пока остальные заканчивают свои испытания. Стол эрудитов завален книгами, но не все заняты чтением – многие только при-творяются. Они просто болтают, утыкаясь носами в книги каждый раз, когда думают, что на них смотрят. У правдолюбов, как всегда, кипят громкие дебаты. Члены Товарищества смеются и улыбаются, доставая из карманов еду и передавая ее по кругу. Громкие и шумные лихачи качаются на стульях, толкаясь, пугая и дразня друг друга.

Я хотел попасть в любую фракцию. В любую, кроме своей, где уже давно решили, что я недостоем их внимания. Наконец в столовой появляется женщина-эрудит и поднимает руку, призывая к тишине. Фракции Альтруизма и Эрудиции тотчас замолкают, но лихачи, члены Товарищества и правдолюбы никак не угомонятся, поэтому женщина вынуждена крикнуть во всю мощь легких: «Тихо!»

– Индивидуальные испытания завершены, – произносит она, понизив голос. – Помните, что вам запрещено обсуждать свои результаты с кем бы то ни было, даже с друзьями и родственниками. Церемония выбора состоится завтра во «Втулке». Приходите как минимум за десять минут до начала. А теперь вы свободны.

Все кидаются к дверям, кроме нас – мы ждем, пока толпа разойдется, чтобы хотя бы встать из-за стола. Я знаю, куда торопятся альтруисты – они шагают по коридору, через парадные двери, на остановку. Они могут простоять там больше часа, пропуская других членов фракций. Я не уверен, что смогу вынести гнетущую тишину.

Поэтому, вместо того чтобы присоединиться к альтруистам, я выскальзываю в боковую дверь и иду по переулку, который вьется возле школы. Я бывал здесь и раньше, но обычно я медленно ползу по дороге, не желая быть замеченным или услышанным. Сегодня мне хочется бежать.

Я несусь до конца аллеи по пустой улице, перепрыгивая водосточные канавы на тротуаре. Моя свободная куртка с эмблемой Альтруизма колыхнется на ветру, и я снимаю ее с плеч, позволяя ей развеиваться позади меня, как флаг, а затем отпускаю. На ходу я закатываю рукава рубашки до локтей и замедляю темп, когда тело устает от бешеной гонки. Кажется, что весь Город пролетает мимо меня в тумане, и здания сливаются в мутное пятно. Я слышу звук своих шагов будто издавека.

Наконец я останавливаюсь – мышцы горят. Я нахожусь в квартале изгоев, который располагается между сектором Альтруизма, штаб-квартирой Эрудиции, штаб-квартирой правдолюбов и общей территорией. На каждой встрече фракции наши лидеры – обычно в лице моего отца – убеждают нас не бояться изгоев и относиться к ним как к обычным людям, а не как к сломленным, потерянными созданиям. Но я их не боюсь – у меня даже не возникало подобных мыслей.

Теперь я бреду по тротуару и заглядываю в окна зданий. В основном я вижу только старую мебель, голые стены и пол, усыпанный мусором. Когда большая часть жителей покидала Город (а, по-видимому, именно так и было, поскольку некоторые дома до сих пор пусты), они никуда не торопились, потому что их жилища все еще очень чистые. Но в квартирах уже не осталось ничего интересного.

Однако, минуя одно из зданий на углу, я кое-что замечаю. Комната за окном выглядит заброшенной, как и другие помещения, но в ней теплится крохотный горящий уголек.

Я шурюсь и торможу напротив окна, а потом пробую его открыть. Вначале рама не поддается, но вскоре мне удастся пошевелить туда-сюда, и створка откидывается вверх. Я просовываю вперед свое тело, а затем ноги и опускаюсь на пол бесформенной кучей. Поцарапанные локти зудят от боли.

Здесь пахнет приготовленной едой, дымом и едким потом. Я медленно подхожу к угольку, вслушиваясь в тишину. Но до меня не доносятся голоса, которые могли бы свидетельствовать о присутствии изгоев.

Окна в соседней комнате покрашены краской и замазаны грязью, но блеклый лучик света просачивается сквозь стекла, и я различаю на полу сложенные тюфяки и старые консервные банки с остатками высохшей еды. В центре комнатухи установлен небольшой мангал. Практически все угли побелели, отдав свое тепло очагу, но один из них еще тлеет, а это означает, что недавно тут кто-то побывал. И, судя по запаху и обилию банок и одеял, тут обитало несколько человек.

Меня всегда учили, что изгои живут отдельно друг от друга, не объединяясь в группы. Теперь, глядя на это место, я удивляюсь, почему я верил подобной ерунде. Почему бы им не жить в группах, как мы? Такова природа человека.

– Что ты здесь делаешь? – настойчиво спрашивает чей-то голос, и по моему телу будто проходит электрический заряд. Я оборачиваюсь и вижу грязного человека с бледным одутловатым лицом. Он стоит в соседней комнате и вытирает руки рваным полотенцем.

– Я просто... – бормочу я и кошусь на мангал. – Я просто увидел огонь.

– Ага, – незнакомец засовывает уголок полотенца в задний карман брюк и направляется к двери.

Мужчина облачен в черные штаны с логотипом Правдолюбия, залатанные синей тканью Эрудиции, и в серую рубашку Альтруизма. Такая же рубашка сейчас на мне. Он худой, как щепка, но кажется сильным. Достаточно сильным, чтобы навредить мне, но я не думаю, что он станет так поступать.

– Тогда спасибо, – отвечает он. – Хотя здесь ничего и не горит.

– Вижу, – соглашаюсь я. – Что это за место?

– Мой дом, – отвечает мужчина, холодно улыбаясь. У него не хватает одного из зубов. – Я не ждал гостей, поэтому не удосужился прибраться.

Я перевожу взгляд на разбросанные банки.

– Вы, наверное, ворочаетесь во сне, раз у вас целая куча одеял.

– Никогда не встречал Сухарей, которые столь нагло лезут в чужие дела, – цедит мужчина. Он подходит ближе ко мне и шурится: – Твое лицо мне немного знакомо.

Я точно знаю, что мы не встречались раньше – по крайней мере, не там, где живу я – среди одинаковых домов в самом однообразном районе Города и в окружении людей в одинаковой серой одежде с коротко подстриженными волосами. Но потом я понимаю – несмотря на то что мой отец прячет меня ото всех, он по-прежнему остается лидером совета, одним из самых выдающихся людей в Городе, а мы с ним все-таки похожи.

– Извините за беспокойство. – Я стараюсь говорить как можно более спокойно. – Мне уже пора.

– Я точно тебя знаю, – бурчит мужчина. – Ты – сын Эвелин Итон, верно?

При звуке ее имени я замираю. Я не слышал его несколько лет – мой отец никогда не произносит его вслух и делает вид, что ему вообще невдомек, кто такая Эвелин. Странно снова быть связанным с ней, даже просто внешним сходством. Это – как надеть старую одежду, из которой ты уже вырос.

– Откуда вам о ней известно? – вырывается у меня.

Должно быть, он знал ее хорошо, если увидел нашу схожесть, хотя моя кожа бледнее, а глаза – голубые, в отличие от ее карих. Большинство людей не обращало на меня внима-

ния, поэтому никто не замечал, что у нас обоих длинные пальцы, крючковатые носы, прямые нахмуренные брови.

Мужчина немного медлит, затем отвечает:

– Она вместе с другими альтруистами иногда помогала нам. Раздавала еду, одеяла, одежду. У нее было запоминающееся лицо. Кроме того, она была замужем за главой совета. По-моему, ее знал каждый.

Иногда я понимаю, что люди врут, просто ощущая их интонации – и мне становится не по себе – так чувствует себя эрудит, когда читает грамматически неправильное предложение. А мужчина наверняка запомнил мою мать явно не потому, что однажды она подала ему консервированный суп. Но мне так хочется услышать о ней побольше, но пока я не акцентируюсь на этом вопросе.

– Она умерла, вы в курсе? – спрашиваю я. – Очень давно.

– Правда? – Он слегка кривит губы. – Очень жаль.

Странно торчать в сырой комнатухе, где пахнет телами и дымом, среди пустых банок, которые сюда никак не вписываются и наводят на мысли о бедности. Но здесь чувствуется свобода, а в отказе состоять в условных классах, которые мы сами придумали, есть что-то привлекательное.

– Думаю, у тебя завтра Церемония выбора. Ты выглядишь слишком взволнованным, – заявляет мужчина. – Какая фракция подходит тебе по результату индивидуального испытания?

– Мне нельзя рассказывать об этом кому бы то ни было, – отрезаю на автомате.

– А я – не кто-то, я никто. Вот что значит – быть без фракции.

Я по-прежнему молчу. Запрет на разговоры о результате моего испытания или на любые другие секреты твердо закреплен у меня на подкорке. Я постоянно помню о всех наших правилах.

Нельзя измениться за одну секунду.

– Так ты из тех, кто четко следует указаниям. – Его голос звучит так, будто он разочарован. – А твоя мама как-то призналась мне, что попала в Альтруизм по инерции. По пути наименьшего сопротивления. – Он пожимает плечами. – Но поверь мне, сынок, иногда стоит бунтовать.

Меня охватывает гнев. Он не должен говорить о моей матери так, словно она ему ближе, чем мне. Он не должен вынуждать меня расспрашивать об Эвелин лишь потому, что когда-то она, возможно, приносила ему еду. Он вообще не должен мне ничего рассказывать – он никто, изгой, одиночка, ничтожество.

– Да? – говорю я. – Тогда посмотрите, к чему привел вас этот бунт. Живете среди мусора и пустых консервных банок в разрушенных зданиях. Не очень-то привлекательно, на мой взгляд.

И я направляюсь прямо к дверному пролету, ведущему в соседнюю комнатуху. Я понимаю, что входная дверь находится где-то рядом – мне все равно, где именно, – сейчас главное поскорее выбраться отсюда.

Я осторожно протискиваюсь к двери, стараясь не наступить на одеяла. Когда я открываю ее, то попадаю в коридор. Мужчина бросает мне вслед:

– Я лучше буду жрать из банки, чем позволю какой-либо фракции меня сломать.

Я не оборачиваюсь.

* * *

Добравшись до дома, я сажусь на крыльцо и в течение некоторого времени глубоко вдыхаю прохладный весенний воздух.

Именно мама всегда, сама того не зная, научила меня тайком наслаждаться такими моментами – минутами свободы. Я видел, как она выскальзывала из нашего жилища после

заката, пока мой отец спал. Мама тихонько возвращалась обратно рано утром – когда солнечный свет только начинал брезжить над Городом. Она ловила эти моменты, даже будучи рядом с нами. Застыв у раковины с закрытыми глазами, она так сильно абстрагировалась, что даже не слышала, когда я заговаривал с ней.

Но, наблюдая за ней, я понял еще кое-что – такие мгновения не могут длиться вечно.

Поэтому я, в конце концов, счищаю следы цемента со своих серых брюк и вхожу в дом. Отец сидит в большом кресле в гостиной в окружении бумаг. Я выпрямляюсь, чтобы он не ругал меня за сутулость, и направляюсь в сторону лестницы. Может, мне удастся пройти в свою комнату незамеченным.

– Как твой индивидуальный тест? – спрашивает отец и показывает на диван, приглашая меня присесть.

Я аккуратно переступаю через пачку бумаг на ковре и сажусь туда, куда он указал – на самый край подушки, чтобы можно было быстро встать.

– Ну и?.. – Он снимает очки и поднимает глаза. В его голосе сквозит напряжение – такое, которое появляется после тяжелого рабочего дня. Нужно вести себя осторожнее. – Какой у тебя результат?

Я даже не думаю о том, чтобы промолчать.

– Альтруизм.

– И все?

Я хмурюсь.

– Нет, разумеется.

– Не смотри на меня так, – произносит отец, и я тут же разглаживаю брови. – Во время твоего испытания не случилось ничего странного?

Если говорить начистоту, то в тот момент я понимал, где нахожусь. Я осознавал, что мне только кажется, будто я очутился в столовой средней школы – ведь на самом деле я лежал ничком в комнате для тестов, а мое тело соединялось с системой с помощью множества проводов. Вот что было странно. Но я не хочу говорить об этом сейчас, когда я чувствую, как злость назревает внутри отца, словно буря.

– Нет, – бормочу я.

– Не лги мне, – отчеканивает он, и его пальцы сжимают мою руку, как тиски.

– Я и не лгу, – возражаю я. – Мой результат – Альтруизм, как и предполагалось. Та женщина даже и не глянула на меня, когда все закончилось. Честно.

Отец отпускает меня. Кожа пульсирует в том месте, где он вцепился в меня.

– Хорошо, – произносит он. – Уверен, тебе есть над чем подумать. Иди в свою комнату.

– Да, сэр.

Я встаю и с облегчением покидаю гостиную.

– Ах да, – добавляет отец. – Сегодня ко мне заглянут члены совета, так что поужинай пораньше.

– Да, сэр.

* * *

Перед закатом я перехватываю ужин – две булочки, сырая морковь еще с ботвой, кусок сыра, яблоко, остатки курицы без приправы. Вся еда на вкус одинаковая – как пыль и клей. Я жую, уставившись на дверь, чтобы не столкнуться с коллегами отца. Ему не понравится, если я буду внизу, когда они придут. Я допиваю стакан воды, когда первый член совета появляется у нас на крыльце и стучит в дверь, поэтому я бросаю все и спешу через гостиную, прежде чем отец подходит к двери. Он ждет, уставившись на меня и положив руку на дверную ручку, а

я быстро скрываюсь за перилами. Затем отец кивает на лестницу, и я быстро поднимаюсь по ступеням.

– Здравствуй, Маркус. – До меня доносится голос Эндрю Прайора – одного из близких друзей отца по работе, что в принципе не значит ничего, поскольку никто не знает моего отца по-настоящему. Даже я.

Я наблюдаю за Эндрю, скрючившись на лестничной площадке. Он вытирает ноги о коврик. Иногда я вижу его с семьей. Эта идеальная ячейка общества альтруистов – Эндрю, Натали и их дети (они не близнецы, но погодки, кстати, они на два класса младше меня). Порой они все вместе спокойно прогуливаются по улице, кивая прохожим. Во фракции Альтруизма Натали занимается организацией благотворительных мероприятий в поддержку изгоев – наверное, моя мать с ней общалась, хотя она и нечасто посещала подобные мероприятия, как и я, так как она предпочитала не выносить свои секреты за пределы дома.

Внезапно Эндрю встречается со мной взглядом, и я убегаю по коридору в свою комнату и захлопываю дверь.

Как и следовало ожидать, воздух здесь такой же разреженный и чистый, как в комнате любого другого члена фракции Альтруизма.

Мои серые простыни и одеяла плотно подоткнуты под тонкий матрас. Учебники сложены в идеальную стопку на столе из фанеры. Небольшой комод, в котором лежат одинаковые комплекты одежды, стоит возле окошка, которое по вечерам пропускает внутрь лишь редкие лучи солнца. Через стекло я вижу соседний дом, который ничем не отличается от нашего, разве что располагается ближе к востоку.

Я знаю, что мама оказалась в Альтруизме по инерции. Надеюсь, что тот человек не врал мне и точно передал мне ее слова. Я догадываюсь, что может произойти и со мной, когда я с ножом в руке буду стоять среди чаш с фракционными символами. Есть четыре фракции, о которых мне ничего толком неизвестно, – я им не доверяю и не разбираюсь в их обычаях. Существует лишь одна предсказуемая и понятная мне фракция. Если, выбрав Альтруизм, я и не получу счастливую жизнь, то хотя бы не покину привычное место.

Я сажусь на краешек кровати. Нет, не буду, думаю я, а затем подавляю свою мысль, потому что уверен в ее происхождении – это детский страх перед человеком, который вершит суд в нашей гостиной. Ужас перед человеком, кулаки которого я знаю лучше, чем объятия.

Я проверяю, закрыта ли дверь и еще на всякий случай подпираю ручку стулом. Затем наклоняюсь и тянусь к сундуку, который хранится под кроватью.

Моя мама дала его мне, когда я был еще маленький, и сказала отцу, что обнаружила его где-то в переулке и он нужен ей, чтобы складывать туда одеяла. Когда мы добрались до моей комнаты, она приложила палец к губам, аккуратно водрузила сундук на кровать и откинула его крышку.

Внутри оказалась голубая скульптура, напоминающая водопад. Она была сделана из прозрачного и безупречно отполированного стекла.

– Для чего это нужно? – спросил я.

– Ни для чего конкретного, – ответила мама и улыбнулась слегка натянутой боязливой улыбкой. – Но оно может изменить кое-что здесь. – Она дотронулась до своей груди, прямо над сердцем. – Иногда красивые вещи способны многое изменить.

С тех пор я складывал сюда всякие штуки, которые другие бы сочли бесполезными, – старые очки без стекол, части бракованных материнских плат, свечи зажигания, неизолированные провода, отломанное горлышко зеленой бутылки, ржавое лезвие ножа. Понятия не имею, посчитала бы мама мои находки прекрасными, но каждая из них поразила меня, как и та стеклянная скульптура. В общем, я решил, что они являются тайными и ценными только потому, что о них забыли другие люди.

Поэтому сейчас, вместо того чтобы обдумать результат испытания, я достаю вещицы из сундука и поочередно верчу их в руках, чтобы детально все их запомнить.

* * *

Поступь Маркуса в коридоре заставляет меня опомниться. Я валяюсь на постели в окружении рассыпанных по матрасу вещей. Подходя ближе к двери, он замедляет шаг. Я хватаю свечи зажигания, материнские платы и провода, кидаю их обратно в сундук и закрываю его на замок, убрав ключ в карман. В последнюю секунду, когда дверная ручка уже начинает двигаться, я понимаю, что скульптура по-прежнему покоится на кровати. Я засовываю ее под подушку и запикиваю сундук под кровать.

Потом бросаюсь к стулу и отодвигаю его от двери, чтобы отец мог войти. Переступив порог, он с подозрением косится на стул в моих руках.

– Зачем он здесь? – спрашивает он. – Ты хотел от меня закрыться?

– Нет, сэр.

– Это вторая твоя ложь за сегодняшний день, – изрекает Маркус. – Я не воспитывал тебя вруном.

– Я... – мямлю я и умолкаю. Я не могу придумать никакого оправдания, поэтому просто закрываю рот и отношу стул на его законное место – к столу, где возвышается идеальная стопка учебников.

– Чем ты здесь занимался, украдкой от меня? – допытывается отец.

Я быстро хватаюсь за спинку стула и тарашусь на свои книги.

– Ничем, – тихо отвечаю я.

– Ты лжешь мне в третий раз, – произносит отец низким, но жестким голосом. Он направляется в мою сторону, и я инстинктивно отхожу назад. Но вместо того чтобы подойти ко мне, он наклоняется и достает из-под кровати сундук. Старается открыть крышку, но та не поддается.

Страх пронзает меня словно лезвие. Я судорожно сжимаю край рубашки, но не чувствую пальцев.

– Твоя мать утверждала, что сундук предназначен для одеял, – продолжает отец. – Говорила, что ты мерзнешь по ночам. Но я никогда не мог понять, почему ты запираешь его, если в нем хранятся обычные одеяла?

Он протягивает руку ладонью вверх и вопросительно приподнимает брови. Разумеется, он хочет ключ. И я вынужден отдать его отцу, потому что он сразу догадался, что я вру. Он все обо мне знает. Я лезу в карман и кладу ключ ему в руку. Теперь я не чувствую своих ладоней, мне не хватает воздуха – такое происходит каждый раз, когда я понимаю, что отец сейчас сорвется.

Я закрываю глаза, когда он открывает сундук.

– Что у тебя здесь спрятано? – Он небрежно шарит по моим ценностям, раскидывая их в разные стороны. Затем достает вещицы одну за одной и швыряет их на кровать.

– Зачем тебе это?!

Я вздрагиваю снова и не могу ему ответить. Мне это не за чем. Ничего из вещей мне не нужно.

– Ты потекаешь своим слабостям! – кричит отец и сталкивает сундук с края кровати, от чего его содержимое рассыпается по полу. – Ты отравляешь наш дом эгоизмом!

Я холодею.

Он бьет меня в грудь. Я оступаюсь и ударяюсь о комод. Он замахивается, чтобы ударить меня, и я, со стянутым от страха горлом, выдавливаю:

– Церемония выбора, папа!

Его замахнувшаяся рука останавливается, и я съеживаюсь, спрятавшись от него за комодом. Перед глазами туман, я ничего не вижу. Обычно он старается не оставлять синяков на моем лице, особенно перед важными событиями. Ему-то известно, что уже завтра люди будут глазеть на меня и следить за моим выбором.

Отец опускает руку, и на мгновение мне кажется, что его гнев утих и он не будет меня бить. Но он цедит сквозь зубы:

– Ладно. Сиди здесь.

Я провисаю, облокотившись на комод. Теперь и гадать нечего – он ушел не для того, чтобы все обдумать, а потом извиниться. Он никогда так не делает.

Он вернется с ремнем, а отметины, которые он оставит на моей спине, можно будет легко скрыть за рубашкой и покорным, отреченным выражением лица.

Я поворачиваюсь. Меня всего трясет. Я цепляюсь за край комода и жду.

* * *

В ту ночь я спал на животе. Я не мог думать ни о чем, кроме боли. На полу рядом со мной валялись ржавые ошметки и обломки. Отец бил меня до тех пор, пока мне не пришлось зажать во рту кулак, чтобы заглушить крик. Потом он топтался по каждой вещи, пока не раздавил ее или не помял до неузнаваемости. А затем он швырнул сундук об стену, так что крышка сорвалась с петель.

В голове возникла мысль: «Если я выберу Альтруизм, то никогда не смогу сбежать от него».

Я зарываюсь лицом в подушку.

Но у меня недостаточно сил, чтобы противостоять инерции Альтруизма, и страх возвращает меня на путь, выбранный для меня отцом.

* * *

На следующее утро я принимаю холодный душ, но не для того, чтобы сохранить горячую воду, как это рекомендуется во фракции Альтруизма, а потому, что он охлаждает мою спину. Я медленно надеваю свободную и простую одежду Альтруизма и встаю перед зеркалом, чтобы обрезать волосы.

– Позволь мне, – говорит отец, показавшись в другом конце коридора. – Ведь сегодня у тебя Церемония выбора.

Я кладу машинку для стрижки на выступ от выдвижной панели и пытаюсь выпрямиться. Отец встает позади меня, и я отвожу взгляд, когда машинка начинает жужжать. У лезвия только одна насадка – для мужчин-альтруистов есть лишь одна приемлемая длина волос. Я вздрагиваю, когда отец придерживает мою голову, и надеюсь, что он не замечает моей паники. Меня пугает даже его легкое прикосновение.

– Ты знаешь, что будет, – изрекает он и закрывает мое ухо левой рукой, проводя машинкой по моему черепу. Сегодня он боится поцарапать мою кожу, а вчера заявился ко мне с ремнем. Внезапно по моему телу словно разливается яд. Как забавно! Мне уже смешно. – Будешь стоять, пока тебя не вызовут, затем выйдешь вперед и возьмешь нож. Сделаешь надрез и капнешь кровью в нужную чашу. – Наши глаза встречаются в зеркале, и на его губах появляется подобие улыбки. Он касается моего плеча, и я понимаю, что теперь мы почти одинакового роста и одинаковой комплекции, хотя я до сих пор чувствую себя очень маленьким по сравнению с ним.

Он мягко добавляет:

– Боль от надреза быстро исчезнет. А когда ты сделаешь выбор, все закончится.

Интересно, он вообще помнит, что случилось вчера? Или он убрал недавнее воспоминание в специальный отдел в своем мозгу, отделив чудовище от заботливого отца? Но у меня подобного разделения нет, и я вижу все его личности, наложенные одна на другую – монстра и отца, главу совета и вдовца.

Вдруг мое сердце начинает биться как бешеное. Лицо горит, и мне едва удается совладать с собой.

– Не переживай, я как-нибудь перетерплю боль, – отвечаю я. – У меня накоплен большой опыт.

На мгновение я вижу в зеркале его пронзительный взгляд, и вся моя злость улечивается, уступая место привычному страху. Но отец спокойно выключает машинку, кладет ее на выступ и спускается по лестнице, оставив меня, чтобы я подмел обрезанные волосы, стряхнул их с плеч и шеи и убрал машинку в ящик в ванной.

Когда я возвращаюсь в комнату, то просто таращусь на растоптанные вещи на полу. Я аккуратно собираю их в кучу и кладу в мусорную корзину рядом с письменным столом. Поморщившись, я встаю на ноги. Мои колени дрожат. Несмотря на никчемную жизнь, которую я себе уготовил, на разрушенные остатки того немного, что у меня было, я решаю, что мне нужно выбираться отсюда.

Это сильная мысль. Я чувствую, как ее мощь звенит во мне будто колокольчик, поэтому я обдумываю ее снова. Мне нужно выбираться.

Я подхожу к кровати и просовываю руку под подушку. Скульптура моей мамы по-прежнему лежит в безопасности – ярко-голубая и блестящая в утреннем свете. Я ставлю ее на стол, возле стопки книг и покидаю комнату, закрывая за собой дверь.

Я слишком нервничаю, чтобы есть, но внизу я все равно запихиваю кусок тоста в рот, чтобы отец не задавал никаких вопросов. Лучше не волноваться. Теперь он делает вид, что меня не существует. Он притворяется, что не видит, как я дрожу всякий раз, когда наклоняюсь, чтобы поднять крошки с пола.

Нужно выбираться отсюда. Три слова теперь стали моей мантрой. Вот единственное, за что я могу уцепиться.

Отец заканчивает читать новости, которые фракция Эрудитов публикует по утрам, а я заканчиваю мыть посуду, и мы молча выходим из дома. Мы шагаем по тротуару, и он улыбается нашим соседям. У Маркуса Итона все всегда в идеальном порядке. Не считая его сына. Конечно, я не в порядке, я в вечном хаосе.

Но сегодня я этому рад.

Мы залезаем в автобус и встаем в проходе, чтобы другие могли сесть вокруг нас – идеальная картина, иллюстрирующая почтение альтруистов. Я наблюдаю за тем, как другие вваливаются в салон – шумные парни и девушки-правдолюбцы, эрудиты с напускно-умными минами. Альтруисты встают, уступая свои места. Сегодня все едут в одно место – во «Втулку», черная колонна которой чернеет вдалеке. Ее шпили вонзаются в небо.

Когда мы добираемся до «Втулки» и направляемся ко входу, отец кладет руку мне на плечо, вызывая болевые разряды по всех моих мышцах. Мне необходимо сбежать. Боль только стимулирует эту отчаянную мысль, которая гудит в моем сознании. Я упрямо преодолеваю ступеньки лестницы, ведущей в зал, где намечена Церемония выбора. Мне не хватает воздуха, но не из-за ломоты в ногах, а из-за слабого сердца, и мне делается хуже с каждой секундой. Маркус уже стирает капли пота со лба, а остальные альтруисты, как по команде, стискивают губы, чтобы не сопеть слишком громко, опасаясь показаться недовольными.

Я поднимаю глаза к лестнице, которая маячит передо мной, и не могу думать ни о чем, кроме последнего шанса на побег.

Мы поднимаемся до нужного этажа, и все на миг замирают, чтобы задержать дыхание перед тем, как войти. В зале тускло, окна зашторены, стулья расставлены вокруг чаш со стек-

лом, камнями, углем и землей. Я оказываюсь в очереди между девушкой-альтруисткой и парнем из фракции Товарищества. Маркус встает передо мной.

– Ты знаешь, что делать, – бурчит он себе под нос. – Ты знаешь, какой выбор – правильный. Я в тебе уверен. – Я опускаю голову и молчу. – Скоро увидимся, – говорит он, отходит в сторону секции Альтруизма и садится в переднем ряду рядом с главами совета. Постепенно люди начинают заполнять зал – те, кому предстоит сделать выбор, жмутся с краю, а зрители устраиваются на стульях посередине.

Двери закрываются, и воцаряется тишина. Представитель совета от фракции Лихачества направляется к трибуне. Его зовут Макс. Он обхватывает руками кафедру, и даже со своего места мне видно, что все его костяшки в синяках.

Лихачей учат драться? Наверное, да.

– Добро пожаловать на Церемонию выбора, – произносит Макс, и его звучный тембр сразу же заполняет зал. Ему не требуется микрофон – его голос достаточно громкий и сильный, чтобы проникнуть в мой череп и целиком окутать мозг. – Сегодня вы выбираете свои фракции. До этого момента вы шли по пути своих родителей и жили по их правилам. Сегодня вы обретете свой собственный путь и будете сами устанавливать правила.

Не сомневаюсь, что мой отец презрительно кривит губы во время этой типичной для лихача речи. Мне хорошо известны его привычки, и я едва не начинаю гримасничать, хотя и не разделяю его чувств. У меня нет какого-то особого мнения насчет лихачей.

– Давным-давно наши предки поняли, что каждый из нас несет ответственность за зло, существующее в мире. Но люди не смогли прийти к единому ответу на вопрос: «Что такое зло?» – вещает Макс. – Одни считали, что корень зла – ложь...

Я думаю о том, как год за годом я врал насчет синяков и порезов, о том, как покрывал Маркуса...

– Другие – невежество, третьи считали, что оно заключается в агрессии...

Мне вспоминаются безмятежные сады Товарищества, свобода от насилия и жестокости, которую я бы мог там обрести.

– Кто-то считал корнем зла эгоизм.

– Это для твоей же пользы, – сказал Маркус перед тем, как впервые ударил меня. Как будто избиение было актом самопожертвования с его стороны. Дескать, ему самому было больно это делать. Но я не замечал, чтобы он хромал по кухне сегодня утром...

– А последняя группа считала, что всему виной – трусость.

Из секции Лихачества раздается фыркание, и остальные лихачи начинают смеяться. Я думаю о страхе, который прошлую ночь не давал мне покоя, пока я не перестал что-либо чувствовать и мне стало трудно дышать. Я думаю о годах, в течение которых я превратился в пылинку под ногами моего отца.

– Поэтому мы разделились на пять фракций – Правдолюбие, Эрудиция, Товарищество, Альтруизм и Лихачество. – Макс улыбается. – У каждой фракции имеются руководители, инструкторы, советники, лидеры и защитники. Таким образом, мы обретаем смысл жизни. – Он прочищает горло. – Ну, хватит. Приступим к делу. Выходите вперед, берите нож, делайте свой выбор. Первым вызывается Зеллнер Грегори.

Кажется логичным, что боль от лезвия, распарывающего ладонь, должна остаться со мной – перетечь из старой жизни в новую. Однако даже утром я еще не знал, какую фракцию я выберу в качестве убежища. Грегори Зеллнер держит кровоточащую руку над чашей с землей. Теперь он член Товарищества.

Товарищество с их дивно пахнущими садами и приветливыми людьми... Разве это не прекрасно? Меня бы приняли туда вместе со всеми моими недостатками. Там я бы получил одобрение, о котором давно мечтал, и, возможно, со временем я бы научился чувствовать себя комфортно, будучи самим собой.

Но когда я смотрю на людей в красно-желтых одеждах, сидящих в секции Товарищества, то вижу спокойных, умиротворенных людей, способных утешать и поддерживать друг друга. Они слишком идеальные, слишком добрые, чтобы я мог присоединиться к ним, движимый яростью и страхом.

Церемония продвигается чересчур быстро.

– Роджерс Элена.

Она выбирает Правдолюбие.

Я знаю, что происходит в момент посвящения в правдолюбых. В школе о них множились всякие слухи, вроде того, что новый член фракции вынужден выложить старожилам свои секреты, которые из него буквально выпарапают. Чтобы присоединиться к Правдолюбию, пришлось бы снять все маски. Нет, я не могу пойти на такое.

– Лавлэс Фредерик.

Фредерик Лавлэс, одетый в голубое, делает надрез на ладони и окропляет кровью воду Эрудитов, от чего она становится насыщенно-розовой. Обучение дается мне достаточно легко, чтобы стать эрудитом, но я отлично понимаю, что я переменчив и эмоционален для этой фракции. Она задушит меня, а я хочу быть свободным, а не просто сменить одну тюрьму на другую.

Я не успеваю опомниться, как уже вызывают девушку, стоящую рядом:

– Эразмус Энн.

Энн – одна из тех людей, кто за все время обменялся со мной лишь парой фраз, – делает шаг вперед и направляется к кафедре Макса. Дрожащими руками она принимает нож, режет ладонь и подносит руку к чаше Альтруизма. Для нее это несложный выбор. Ей не от чего бежать. Всего-то присоединится к радушному и доброму сообществу альтруистов. Кроме того, в течение многих лет никто из альтруистов не менял своих убеждений. По статистике Церемоний выбора, альтруисты чрезвычайно преданы своей фракции.

– Итон Тобиас.

Я не волнуюсь, подходя к чашам, хотя и до сих пор не решил, какую фракцию выбрать. Макс передает мне нож, и я сжимаю пальцы вокруг его гладкой и холодной рукоятки с чистым лезвием. Каждому дается новый нож для нового выбора. По пути к чашам я миную Тори – ту самую женщину, которая проводила мой индивидуальный тест. «Тебе нужно сделать свой собственный выбор», – сказала она мне тогда. Ее волосы убраны назад, и я замечаю татуировку, тянущуюся от ключицы до горла. Ее глаза притягивают меня с особой силой, я смотрю на нее и встаю рядом с чашами в полной решимости.

Что мне выбрать? Не Эрудицию и не Правдолюбие. Не Альтруизм, из которого я пытаюсь сбежать. И даже не Товарищество. Нет, куда уж мне... Я слишком сломен.

Если честно, я просто хочу всадить нож прямо в сердце моему отцу и причинить ему как можно больше боли, заставить его страдать от позора и разочарования.

И это можно сделать, выбрав только одну фракцию.

Я перевожу взгляд на отца, он кивает мне, и я делаю порез на ладони – настолько глубокий, что у меня на глаза наворачиваются слезы. Я моргаю, чтобы смахнуть их, и сжимаю кулак, чтобы там собралась кровь. Его глаза такие же, как мои – темно-синие, отчего при дневном освещении всегда кажутся черными, будто это жутковатые впадины в черепе. Кожа на моей спине пульсирует, а воротник рубашки царапает не зажившую от ударов ремня плоть.

Я разжимаю кулак над чашей с углями. Теперь они как будто горят у меня внутри, наполняя меня огнем и дымом.

Я свободен.

* * *

До меня не доносятся одобрительные крики лихачей. Все, что я слышу, – звон.

Моя новая фракция напоминает многорукое создание, которое тянется ко мне. Я подхожу к ним, не осмеливаясь обернуться, чтобы посмотреть в лицо отцу. Меня похлопывают по плечам, одобряя мой выбор, и я плетусь в конец толпы. Кровь стекает с моих пальцев.

Я встаю к другим неофитам. Около меня находится черноволосый мальчик из Эрудиции. Он мельком оценивает меня и тотчас сбрасывает со счетов. Я неважно выгляжу в своей серой одежде из Альтруизма, кроме того, я очень вырос и похудел еще в прошлом году.

Из раны на ладони хлещет кровь, капая на пол и стекая с запястья. Я перестарался с порезом. Когда последний из моих ровесников делает выбор, я зажимаю край рубашки и тяну, отрывая спереди полоску ткани. Ею я обматываю руку, чтобы остановить кровотечение. Старые тряпки мне уже не понадобятся.

Лихачи, сидящие перед нами, вскакивают со своих мест и бросаются к выходу, увлекая меня за собой. Прямо перед дверьми, не в силах остановиться, я оборачиваюсь и вижу отца. Он неподвижно восседает в первом ряду. Возле него столпилось несколько альтруистов.

Он потрясен.

Я слегка ухмыляюсь. Я сделал это, я заставил его что-то почувствовать! Я не идеальный ребенок-альтруист, которому суждено быть целиком проглоченным системой и раствориться в неизвестности. Именно я – первый, кто совершил переход из Альтруизма в Лихачество за последние десять лет.

Я встряхиваю головой и бегу, чтобы догнать лихачей. Не хочу отстать. Прежде чем покинуть зал, я расстегиваю свою разорванную рубашку с длинными рукавами, и она падает на пол. Серая футболка, которую я надел под рубаху, тоже мне велика, – но она темнее, и не будет особо заметна среди черной одежды лихачей.

Они несутся вниз по лестнице, распахивая двери, смеясь и громко крича. Я чувствую жжение в спине, плечах, легких и ногах, и неожиданно я теряю уверенность относительно сделанного мною выбора. Они ведут себя дико и шумно. Смогу ли я когда-нибудь найти себе место среди них? Не представляю. Но, вероятно, у меня нет выбора.

Я пробираюсь сквозь толпу в поисках других неофитов, но они как будто исчезли. Я обхожу толпу с другой стороны, надеясь хоть одним глазком увидеть, куда мы направляемся, и мой взгляд упирается в железнодорожные пути, подвешенные над улицей. Они прямо перед нами в решетчатой клетке из дерева и металла. Лихачи карабкаются по ступеням и прыгают на платформы. Толпа у подножия лестницы настолько плотная, что я не могу протиснуться ни на шаг вперед. Я понимаю, что могу пропустить поезд, если в ближайшие минуты не попаду на лестницу, поэтому начинаю решительно работать локтями. Я вынужден стиснуть зубы, чтобы не извиняться перед людьми, когда я расталкиваю их в своей попытке прорваться к платформе. Внезапно людской поток несет меня наверх – прямо к лестнице.

– Ты неплохо бегаешь, – говорит Тори, незаметно оказываясь рядом со мной, когда я перевожу дыхание. – По крайней мере, для парня-альтруиста.

– Спасибо, – отвечаю я.

– Ты ведь в курсе того, что будет дальше? – продолжает она и показывает на фару, пылающую на кабине надвигающегося поезда. – Он не будет тормозить. Он только слегка замедлит ход. И если ты не сумеешь запрыгнуть, то все закончится. Ты останешься без фракции. Ты запросто вылетишь из Лихачества.

Я киваю. Я не удивлен, что процесс посвящения уже идет – он начался с того момента, когда мы покинули Церемонию выбора. И меня вообще не удивляет, что лихачи хотят испытать меня. Я смотрю на приближающийся поезд – теперь я слышу, как он посвистывает на рельсах.

Тори усмехается:

– Ты ведь справишься.

– Почему ты так думаешь?

Она пожимает плечами:

– Ты произвел на меня впечатление человека, всегда готового бороться.

Поезд грохочет рядом с нами, и лихачи начинают запрыгивать в вагоны. Тори подбегает к краю платформы, и я следую за ней, копируя ее позу и движения, когда она готовится к прыжку. Она хватается за ручку с края двери и буквально влетает внутрь. Я делаю то же самое – сперва неловко хватаюсь за ручку, затем делаю рывок и вваливаюсь внутрь.

Однако я не готов к тому, что поезд повернет, поэтому спотыкаюсь и ударяюсь лицом о металлическую стену. Нос болит.

– Мягко, – говорит один из лихачей – темнокожий улыбчивый парень, младше Тори.

– Изящность – для выпендривающихся эрудитов, – возражает Тори. – Он справился, Амар, а все остальное – не важно.

– Он должен быть в другом вагоне. И, между прочим, с другими неофитами, – парирует Амар.

Он смотрит на меня, но не так, как несколько минут назад на меня косился бывший эрудит. Он кажется более любопытным, чем остальные, словно я – диковинное существо, которое Амару необходимо тщательно исследовать, чтобы понять.

– Если он твой друг, то все в порядке. Как тебя зовут, Сухарь?

Я уже готов сказать свое имя и представиться Тобиасом Итоном. Но я не могу произнести это вслух – не здесь, среди людей, которые, я надеюсь, станут моими новыми друзьями, моей семьей. Я не могу, не хочу и не буду сыном Маркуса Итона.

– Можешь звать меня Сухарем, мне плевать, – отвечаю я, стараясь придерживаться насмешливого тона лихачей, которых я прежде слышал только в школьных коридорах и классах. Ветер врывается в вагон поезда, когда тот набирает скорость, и его рев гудит у меня в ушах.

Теперь уже Тори странно смотрит на меня, и в какое-то мгновение я начинаю бояться, что она выболтает Амару мое настоящее имя, которое она наверняка помнит с момента моего испытания. Но она лишь слегка кивает, и я с облегчением поворачиваюсь к открытой двери, все еще держась за ручку.

Раньше я и подумать не мог, что когда-нибудь я не захочу называть свое имя, что я соглашусь на дурацкое прозвище и стану другой личностью. Зато здесь я свободен, могу спорить с людьми, отказывать им и даже лгать.

Между деревянными балками, которые поддерживают рельсы, проносятся улицы. Внизу, прямо под нами, кипит городская жизнь. Но наверху старые рельсы ведут в новую жизнь. Платформы поднимаются выше, огибая крыши зданий.

Подъем происходит постепенно, и я бы даже не заметил его, если бы не глазел на землю. Наконец я осознаю, что мы отдаляемся от нее и приближаемся к небу.

От страха у меня подгибаются колени, поэтому я отхожу от двери, сажусь на корточки возле стены и жду, когда мы доберемся до пункта назначения.

* * *

Я по-прежнему сижу в таком положении – скрючившись на корточках у стены, опустив голову на ладони, – когда Амар подталкивает меня ногой.

– Вставай, Сухарь, – говорит вполне доброжелательно. – Скоро будем прыгать.

– Прыгать? – переспрашиваю я.

– Ага, – ухмыляется он. – Поезд не будет тормозить.

Я заставляю себя подняться. Ткань, которой я обернул руку, мокрая и красная. Тори стоит прямо позади меня и толкает меня к двери.

– Пусть неофит идет первым! – кричит она.

– Что ты делаешь? – недоумеваю я, бросая на нее сердитый взгляд.

– Оказываю тебе услугу! – отрезает Тори и снова толкает меня в сторону проема.

Остальные лихачи расступаются передо мной. Они скалят зубы, будто я – просто еда для них. Я волочусь к краю, схватившись за ручку так сильно, что кончики пальцев начинают неметь. Я вижу, куда мне нужно прыгнуть – наверху пути пересекаются с крышей здания, а затем сворачивают. Отсюда пропасть выглядит небольшой, но по мере того, как поезд подъезжает ближе, она увеличивается, а моя неизбежная смерть становится все более вероятной.

Мое тело дрожит, пока лихачи быстро выпрыгивают из передних вагонов. Никто не падает мимо крыши, но это не значит, что я не могу стать первой жертвой. Я с трудом отрываю пальцы от ручки, пристально смотрю на крышу и отталкиваюсь изо всех сил.

От удара я падаю на руки и колени, а гравий с крыши врезается в мою раненую ладонь. Я таращусь на нее. Время будто искривилось, и прыжок почему-то забывается.

– Черт, – ругнулся кто-то позади меня. – А я-то надеялся, что мы будем отскребать Сухаря с тротуара.

Я смотрю вниз и сажусь, поджав ноги. Крыша кренится и подпрыгивает подо мной – я и не знал, что человека может так трясти от страха.

Однако я только что прошел два испытания – запрыгнул на движущийся поезд, а потом спрыгнул с него на крышу. Теперь меня мучает вопрос, каким образом лихачи выбираютя отсюда.

В следующую секунду Амар появляется на выступе, и я получаю ответ: нам предстоит очередной прыжок.

Я зажмуриваюсь и пытаюсь вообразить, что на самом деле я нахожусь не здесь. Я вовсе не трясусь на гравии крыши в окружении сумасшедших людей в черном. Я пришел сюда, желая сбежать из Альтруизма, но я, видимо, проиграл. Я просто сменил одни пытки на другие, и теперь уже слишком поздно что-либо менять. Надеюсь, я хотя бы уцелею и как-то выживу.

– Добро пожаловать в Лихачество! – кричит Амар. – Тут вы либо столкнетесь со своими страхами лицом к лицу и постараетесь не умереть в процессе, либо покинете фракцию трусом. Неудивительно, что в этом году у нас мало перешедших.

Лихачи, собравшиеся вокруг Амара, поднимают в воздух кулаки и улюлюкают, гордясь тем, что никто не хочет вступить в их фракцию.

– Единственный способ попасть в лагерь Лихачества с крыши – спрыгнуть с выступа, – заявляет Амар и простирает руки в стороны, тем самым обозначив пустоту вокруг себя. Он резко откидывается назад и размахивает руками, будто вот-вот упадет, затем восстанавливает равновесие и ухмыляется. Я делаю глубокий вдох через нос и задерживаю дыхание.

– Как обычно, я предоставляю неофитам шанс быть первыми, независимо от того, являются ли они урожденными лихачами или нет, – резюмирует Амар и спрыгивает с выступа и указывает на него, приподнимая брови.

Кучка молодых лихачей рядом с крышей обменивается взглядами. В стороне жметя мальчишка из Эрудиции, девица из Товарищества, два парня и девушка из Правдолюбия. Всего нас шестеро.

Один из лихачей выходит вперед. Этот темнокожий мальчик призывает друзей поддержать его.

– Давай, Зик! – кричит какая-то девчонка.

Зик умудряется вскочить на выступ, но неправильно рассчитывает силы и тотчас наклоняется вперед, теряя равновесие. Он вопит что-то непонятное и исчезает. Девушка из Правдолюбия охает, прикрывая рот рукой, а друзья Зика по фракции хохочут. Я думаю, он рассчитывал на иной – более драматичный и героический финал.

Амар усмехается и кивает на выступ. Урожденные лихачи встают в очередь, к ним присоединяется парень из Эрудиции и девица из Товарищества.

Я знаю, что мне нужно последовать их примеру и прыгнуть, как бы я ни относился к испытанию. Я занимаю очередь, двигаясь неуклюже, словно мои суставы заржавели. Амар сверяется с часами и вызывает каждого с интервалом в тридцать секунд.

Очередь уменьшается, тает. Сейчас уже никого не осталось. Я последний, кто еще не прыгнул. Я встаю на выступ и жду, когда Амар даст мне сигнал.

Вдали солнце садится за зданиями, и с этой стороны их рваные контуры кажутся совершенно незнакомыми. Свет отливает золотом у горизонта, а ветер несется вверх по стене здания и развеивает мою одежду.

– Вперед, – говорит Амар.

Я опять закрываю глаза и застываю на месте – я не могу даже вытолкать себя с крыши. Я способен лишь на то, чтобы наклониться и рухнуть вниз. Внутри у меня все переворачивается, руки и ноги болтаются в воздухе, стараясь хоть за что-нибудь уцепиться, но здесь нет ничего – только воздух, и я падаю, ожидая удара о землю.

Внезапно что-то опутывает меня своими плотными нитями. Кто-то подзывает меня с края сети.

Я просовываю пальцы в ячейки и подтягиваюсь на них. Я опускаю ноги на деревянную платформу, и мужчина с темно-бронзовой кожей и побитыми костяшками улыбается мне. Это Макс.

– Сухарь! – Он хлопает меня по спине, заставляя вздрогнуть. – Я рад, что ты продвинулся настолько далеко. Присоединяйся к неофитам. Я уверен, Амар сейчас спустится.

Позади него располагается темный туннель с каменными стенами. Лагерь Лихачества находится под землей. Странно, но я думал, что он будет висеть на верху небоскреба и болтаться на нескольких тонких канатах, воплощая все мои худшие кошмары в действительность.

Я пытаюсь спуститься и подойти к остальным новичкам, которые сменили свои старые фракции на Лихачество. Мои ноги снова функционируют. Девушка из Товарищества улыбается мне.

– Было на удивление весело, – произносит она. – Я – Миа. Ты в порядке?

– Похоже, он еле сдерживается, чтобы не блевануть, – замечает один из парней-правдолюбов.

– Лучше дай себе волю, старик, – добавляет его сосед, мальчишка из Правдолюбия. – Давай посмотрим на шоу.

Мой ответ напрашивается сам собой.

– Заткнитесь! – рявкаю я.

И к моему удивлению, они замолкают. Наверное, они давно не слышали такого от альтруистов.

Спустя пару мгновений я вижу, как Амар скатывается с края сетки и спускается по ступенькам. Он выглядит растрепанным и помятым, но готовым к следующей безумной затее. Он подзывает всех неофитов поближе, и мы полукругом выстраиваемся возле входа в зияющий туннель.

Амар складывает руки на груди.

– Меня зовут Амар, – начинает он, – я ваш инструктор. Я вырос здесь, а три года назад я успешно прошел посвящение, а это значит, что я могу работать инструктором сколько захочу. Вам повезло. Урожденные лихачи и перешедшие из других фракций в основном тренируются по отдельности, чтобы лихачи не сложили вас пополам в первый же день. – При его словах урожденные лихачи ухмыляются с другой стороны полукруга. – Но сейчас мы решили сделать некоторые изменения. Мы с лидерами Лихачества собираемся посмотреть, поможет ли осознание ваших страхов до тренировок лучше подготовить вас к посвящению. Поэтому, прежде чем мы пройдем в обеденный зал, вам нужно чуть-чуть познать себя. Следуйте за мной.

– А если я не хочу познавать себя? – спрашивает Зик.

Одного взгляда Амара достаточно, чтобы Зик забился в толпу урожденных лихачей. Я никогда не встречал таких людей, как Амар, – он то дружелюбный, то строгий, а иногда и то и другое одновременно. Он ведет нас по туннелю, затем останавливается у двери, встроенной в стену, и толкает ее плечом. Мы гуськом переступаем порог и оказываемся в сырой комнате с огромным окном. Над нами мерцают флуоресцентные лампы. Амар занят устройством, которое во многом напоминает то, которое использовалось во время моего индивидуального теста. Я слышу, как вода капает с потолка и стекает в лужу в углу.

За окном расположено другое – просторное и пустое – помещение. В каждом углу расположены камеры. Неужели весь лагерь Лихачества ими оборудован?

– В комнате обычно проходит пейзаж страха, – объявляет Амар, не глядя наверх. – Пейзаж страха – это симуляция, в которой вы боретесь со своими худшими кошмарами.

На столе рядом с устройством лежит ряд шприцев. В мерцающем свете ламп они выглядят зловеще – как орудия пыток, ножи, лезвия и даже раскаленная кочерга.

– Как это возможно? – удивляется парень-эрудит. – Вы же не знаете наши самые сильные страхи.

– Ты ведь Эрик? – уточняет Амар. – Конечно же ты прав, я не могу влезть тебе в голову, но сыворотка, которую я тебе вколю, простимулирует отделы твоего мозга, ответственные за страхи, и ты в принципе сам будешь моделировать препятствия. В данной симуляции, в отличие от индивидуального теста, вы будете понимать, что ваши видения нереальны. А я тем временем буду полностью контролировать симуляцию. Когда ваш пульс достигнет определенного уровня – то есть когда вы успокоитесь, чтобы встретиться с новым страхом, я перенесу вас к следующему препятствию с помощью встроенной в сыворотку программы. Когда вы испытаете все досконально, программа завершится, вы «проснетесь» в этой комнате и будете гораздо лучше разбираться в своих собственных страхах.

Он берет шприц с сывороткой и подзывает Эрика.

– Позволь мне удовлетворить твое эрудитское любопытство, – заявляет Амар. – Ты поймешь первым.

– Но...

– Но, – спокойно прерывает его Амар, – я твой инструктор, поэтому в твоих интересах – делать то, что я говорю.

Сперва Эрик стоит неподвижно, потом снимает свой голубой пиджак, сворачивает вдвое и набрасывает на спинку стула. Он специально не торопится, вероятно, чтобы сильнее разозлить Амара.

В конце концов, он приближается к Амару, и тот чуть ли не яростно вонзает иглу в его шею. Потом он отправляет Эрика в соседнюю комнату. Когда Эрик замирает посреди комнаты за стеклом, Амар присоединяет себя к устройству симуляции электродами и нажимает какую-то кнопку на экране компьютера, чтобы начать программу.

Эрик стоит неподвижно, руки по швам. Он смотрит на нас через окно, и хотя он не двинулся с места, мне кажется, что он смотрит на что-то другое. Наверное, симуляция уже началась. Эрик не кричит, не мечется из стороны в сторону, не плачет, как стал бы вести себя человек, которому пришлось лицом к лицу встретиться со своими затаенными кошмарами. Его пульс, записываемый на мониторе впереди Амара, учащается, и шкала на экране поднимается, как птица, набирающая высоту. Эрик боится. Боится, но даже не шевелится.

– Что случилось? – шепчет мне Миа. – Сыворотка подействовала?

Я киваю в ответ.

Я наблюдаю за тем, как Эрик глубоко вдыхает и выдыхает воздух через нос. Его тело трясется и дрожит, словно земля колеблется у него под ногами, но его дыхание по-прежнему – медленное и ровное. Мышцы Эрика сокращаются и расслабляются с интервалом в несколько секунд, как будто он непроизвольно напрягается и сразу исправляет это упущение. Я наблюдаю

за его пульсом на мониторе перед Амаром – за тем, как он замедляется еще больше, пока Амар касается экрана, заставляя программу работать. Так происходит снова и снова – с каждым новым страхом. Я считаю их количество – десять, одиннадцать, двенадцать. Внезапно Амар дотрагивается до экрана в последний раз, и тело Эрика расслабляется. Он медленно моргает и самодовольно ухмыляется нам в окно.

Я замечаю, что урожденные лихачи, которые обычно тут же комментируют происходящее, теперь молчат. По-видимому, чутье меня не обмануло – Эрика следует остерегаться. Возможно, даже бояться.

Целый час я наблюдаю за тем, как другие неофиты сталкиваются со своими страхами, бегают и прыгают, целятся невидимыми пистолетами, а иногда – ложатся на пол, сжимаются в клубок и всхлипывают. Порой я догадываюсь, что они видят и что их терзает, хотя в основном демоны, с которыми они борются, остаются их личными переживаниями, известными только им и Амару.

Я холодею и вздрагиваю каждый раз, когда Амар вызывает следующего человека.

А потом в комнате остаюсь лишь я один. Больше неофитов нет. Миа, которая только что прошла симуляцию и вынырнула из пейзажа страха, на минуту прислоняется к задней стене, спрятав голову в ладонях. Она выглядит измотанной и волочит ноги по полу, не дожидаясь, пока Амар отпустит ее. Он бросает взгляд на последний шприц с сывороткой, лежащий на столе, затем на меня.

– Здесь только мы с тобой, Сухарь, – замечает он. – Давай покончим с этим.

Я делаю шаг по направлению к нему. Я практически не чувствую, как игла входит внутрь – я никогда не боялся уколов, хотя некоторые неофиты почти рыдали перед инъекцией. Я прохожу в соседнее помещение и таращусь в окно, которое с этой стороны выглядит как зеркало. На секунду, пока не запустилась симуляция, я смотрю на свое отражение. Значит, вот таким меня и видят окружающие – сутулым, высоким, костлявым парнем в мешковатой одежде и с кровоточащей ладонью. Я пытаюсь выпрямиться, и меня удивляет перемена, которая происходит, – я наблюдаю проявление некоей силы прямо перед тем, как комната исчезает.

Пространство заполняют изображения – городская линия горизонта, дыра на тротуаре семью этажами ниже меня, линия выступа под ногами. Ветер, сильнее, чем когда я по-настоящему был на крыше, несется по стене здания, давит на меня со всех сторон, а моя одежда полощется и бьет меня. Вдруг здание растет ввысь вместе со мной на крыше, унося меня прочь – далеко от земли. Дыра закрывается, теперь на ее месте темнеет дорожное покрытие.

Я отступаю от края, но ветер больше не дает мне отойти назад. Сердце стучит как бешеное, и наконец я сталкиваюсь с пониманием того, что должен делать – мне опять нужно прыгать, на этот раз не надеясь, что мне не будет больно, когда я рухну на землю.

Раздавленный Сухарь.

Я раскидываю руки, зажмуриваюсь, кричу сквозь сжатые зубы, а затем следую порыву ветра и быстро падаю, ударяясь об асфальт. Жгучая боль пронизывает меня насквозь. Я встаю, вытираю пыль со щеки и жду очередного испытания. Понятия не имею, каким оно будет. У меня нет времени на обдумывание собственных страхов. Я не могу размышлять о том, каково это – освободиться от страха, победить его. Неожиданно я понимаю, что, избавившись от кошмаров, я смогу стать сильным и непобедимым. Эта мысль пленит меня какое-то мгновение, но вдруг что-то врзается в мою спину. Потом я ощущаю удар в левый бок, а затем – в правый, и в итоге я оказываюсь заключенным в ящик, точно соответствующий размерам моего тела. Вначале шок не дает мне запаниковать, я вдыхаю спертый воздух и всматриваюсь в пустую темноту, а мои внутренности сжимаются в комок. Я уже не могу дышать. Не могу дышать.

Я закусываю губу, чтобы не всхлипывать – не хочу, чтобы Амар видел мои слезы и рассказывал лихачам о том, какой я трус. Мне нужно подумать, но я не могу – мне не хватает кислорода. Задняя стенка ящика выглядит так же, как в одном из моих воспоминаний, когда в

детстве меня запирали на чердаке в качестве наказания. Я никогда не знал, когда это кончится и сколько часов я просижу во тьме с выдуманными чудовищами, ползающими по мне. В такие минуты я всегда слышал мамин плач, доносящийся из-за стены.

Я бью по стенке передо мной снова и снова, упрямо царапаю ее, не обращая внимания на то, что занозы вонзаются под ногти. Я поднимаю плечи и ударяю ящик всем телом – методично, без усталости, – закрыв глаза и притворившись, что в действительности я не здесь. Не здесь. Выпустите меня, выпустите меня, выпустите меня, выпустите меня.

– Обдумай все хорошенько, Сухарь! – кричит чей-то голос, и я успокаиваюсь. Я вспоминаю, что я нахожусь под воздействием сыворотки. Я – в симуляции.

Обдумать. Как мне выбраться из тесной коробки? Какой-нибудь инструмент. Я нащупываю ногой какой-то предмет и тянусь вниз, чтобы поднять эту вещь. Но когда я нагибаюсь, крышка ящика двигается вместе со мной, и я уже не могу выпрямиться. Я сдерживаю крик и нащупываю пальцами заостренный конец лома. Я втискиваю его между досками, которые образуют левый угол ящика, и давлую со всей силы.

Доски сразу же разлетаются на части и падают рядом со мной. Я с облегчением вдыхаю свежий воздух, а передо мной возникает женщина. Я не узнаю ее лицо, она одета в белое и не принадлежит ни к одной из фракций. Я встаю, подхожу к ней и вижу стол, на котором лежит пистолет и пуля. Я хмурюсь. Это и есть мой страх?

– Кто ты? – спрашиваю я, но женщина не отвечает.

Мне ясно, что делать – нужно зарядить пушку и выстрелить. Мой страх усиливается, во рту пересыхает, и я неуверенно тянусь к оружию. Раньше я никогда не держал в руках пистолет, поэтому мне требуется несколько секунд, чтобы понять, как открыть барабан для патрона. Странно, но почему-то я думаю о свете, который исчезнет из ее глаз, об этой женщине, которую совсем не знаю. Мне незачем переживать из-за нее.

Но я боюсь – боюсь того, что мне придется делать в Лихачестве, и одновременно страшусь своих желаний. Боюсь скрытой жестокости в себе, возвращенной моим отцом и годами тишины, которую навязывала мне фракция. Я вставляю пулю в барабан и беру пистолет обеими руками. Порез на ладони пульсирует. Я смотрю в лицо женщины. Ее нижняя губа подрагивает, на глаза наворачиваются слезы.

– Мне жаль, – говорю я и нажимаю на курок.

Пуля оставляет в ее теле крошечное отверстие, и женщина падает на пол, превращаясь в облако пыли. Но мой страх не исчезает. Я понимаю – сейчас должно что-то произойти, я чувствую, как смутное ощущение нарастает внутри меня. Маркуса еще нет, но он появится – я знаю это так же хорошо, как и свою фамилию. Нашу общую фамилию.

Меня окутывает круг света, и сквозь него я вижу изношенные серые туфли, которые приближаются ко мне. Маркус Итон подходит к границе круга, и я замечаю, что мужчина отличается от реального Маркуса. У этого Маркуса – впадины вместо глаз и зияющая черная пасть вместо рта. Он встает рядом со мной, и постепенно все больше и больше чудовищных копий моего отца проходят вперед, окружая меня. Зияющие пасти широко раскрыты, а головы наклонены под странными углами. Я стискиваю кулаки. В симуляции все точно не по-настоящему. Я уверен.

Первый Маркус расстегивает ремень и достает его из петель, остальные повторяют за ним все жесты. Постепенно ремни превращаются в металлические канаты, зазубренные на концах, которые они влачат за собой по полу. Маслянистые черные языки Маркусов скользят по краям черных ртов. Затем Маркусы замахиваются своими поблескивающими канатами, и я неистово ору, закрывая руками голову.

– Это для твоего же блага, – говорят Маркусы в унисон звенящими голосами.

Меня раздирает чудовищная боль. Я падаю на колени и зажимаю руками уши, будто это может меня защитить. Но ничто не может спасти меня, ничто. Я кричу снова и снова, но боль

никуда не уходит, как и голос Маркуса: «Я не потерплю потакание слабостям в моем доме! Я не воспитывал тебя вруном!»

Я не могу, не хочу его слушать.

У меня в голове всплывает непрошенный образ. Я вспоминаю о скульптуре, которую мне дала мама. Я вижу свой письменный стол, куда я ее поставил накануне Церемонии, и боль начинает отступать. Я сосредотачиваюсь на ней и на сломанных вещах, разбросанных по комнате, на крышке сундука, сорванной с петель. Я помню руки моей мамы, ее тонкие пальцы, помню, как она закрыла сундук и вручила мне ключ.

Голоса исчезают один за другим, пока не остается ни одного.

Я опускаюсь на землю, ожидая следующего препятствия. Мои костяшки скребут по холодному и грязному каменному полу. Раздаются чьи-то шаги, и я готовлюсь к тому, что меня ждет, но неожиданно слышу Амара:

– Значит, это все? Черт, Сухарь, – удивляется он, останавливаясь рядом со мной и протягивая мне руку.

Я принимаю помощь и позволяю Амару поднять меня на ноги. Я не смотрю на него – не хочу видеть выражение его лица. Мне не нравится, что теперь он в курсе моих проблем и страхов. Я не хочу стать в его глазах жалким неофитом с искалеченным детством.

– Нам нужно придумать тебе другое прозвище, – бросает он между делом. – Что-то более жесткое, чем Сухарь. Например, Клинок или Убийца или нечто подобное.

Теперь я невольно кидаю на него недоуменный взгляд. Он слегка улыбается. Я замечаю в его улыбке тень сожаления, но не такую сильную, как я ожидал.

– На твоём месте мне бы тоже не хотелось говорить людям свое настоящее имя, – добавляет Амар. – Давай-ка что-нибудь перекусим.

* * *

Когда мы оказываемся в обеденном зале, Амар подводит меня к столу неофитов. Несколько лихачей уже развалились за ближайшими столами, уставившись в другую сторону зала, где повара в татуировках и пирсинге сервируют пищу. Обеденный зал представляет собой пещеру, подсвеченную снизу бело-голубыми лампами, которые придают помещению жутковатое свечение. Я занимаю свободный стул.

– Черт, Сухарь. Ты выглядишь так, будто вот-вот упадешь в обморок, – фыркает Эрик, и один из парней-правдолюбов ухмыляется.

– Вы справились со своими страхами, – резюмирует Амар. – Мои поздравления. Но каждый из вас прошел первый день посвящения с различным успехом, – продолжает он и поглядывает на Эрика. – Однако никто из вас не справился так хорошо, как Четыре, – заявляет он, хлопая меня по плечу. Я хмурюсь. Четыре? Он говорит о моих страхах? – Эй, Тори! – Амар кричит ей через плечо. – Ты когда-нибудь слышала, чтобы у человека было только четыре страха?

– В последнем пейзаже страха, о котором я знаю, зафиксировано семь или восемь штук. А что? – интересуется Тори.

– У меня есть перешедший, у которого всего четыре страха.

Тори указывает на меня, и Амар кивает.

– Значит, в нашей фракции поставлен новый рекорд, – произносит Тори.

– Отличная работа. – Амар обращается ко мне, затем он поворачивается и направляется к столу, где расположилась Тори.

Неофиты молча таращатся на меня, широко раскрыв глаза. До симуляции я был обычным парнем, через кого можно было переступить на своем пути и потом стать настоящим лихачом. Но сейчас я как Эрик – тот, кого следует остерегаться или даже бояться.

Амар дал мне больше, чем другое имя. Он наделил меня силой.

– Послушай, а какое твое настоящее имя? Начинается на «и»? – спрашивает меня Эрик, сощурившись. Как будто ему что-то известно, но он не уверен, стоит ли объявлять об этом присутствующим.

Остальные тоже могут смутно помнить мое имя, которое прозвучало на Церемонии выбора. Но ведь и я помню их имена – просто буквы в алфавите, забытые в нервном помутнении, пока я маялся в очереди. Если я запомнюсь им в эту минуту и буду незабываемым типом, как и мой бесстрашный характер, возможно, мне удастся спастись.

Некоторое время я медлю, затем кладу локти на стол и вскидываю брови.

– Меня зовут Четыре, – отвечаю я. – Еще раз назовешь меня Сухарем, и у тебя будут неприятности.

Он закатывает глаза, но я понимаю, что он меня понял. Теперь у меня – другое имя, и я могу стать другим человеком. Тем, кто не терпит язвительные комментарии в свой адрес от эрудита-всезнайки. Я – тот, кто способен дать отпор.

Я – тот, наконец, кто готов бороться.

Четыре.

Неофит

В тренажерном зале пахнет усталостью, потом, пылью и обувью. Каждый раз, когда мой кулак ударяется о грушу, костяшки, еще не зажившие после недели боев с лихачами, пронзают боль.

– Вероятно, ты уже видел списки, – заявляет Амар, опершись на косяк и скрестив руки на груди. – И понял, что завтра тебе предстоит поединок с Эриком. Иначе сейчас ты был бы не здесь, а в комнате симуляций.

– Туда я тоже хожу, – бурчу я и отхожу от груши, разминая мышцы. Иногда я сжимаю кулаки настолько сильно, что перестаю чувствовать пальцы.

Я едва не проиграл свой первый бой с девушкой из Товарищества, Мией. Я не знал, как победить ее так, чтобы не бить ее, а драться с ней я не мог – по крайней мере, до тех пор пока она не применила удушающий захват и у меня перед глазами не закружились черные мушки. Тогда мои инстинкты взяли верх, и я нокаутировал ее одним мощным ударом в челюсть. Я по-прежнему чувствую уколы совести, когда думаю о том поединке.

Но второй бой я тоже чуть не проиграл. Я бился с парнем-правдолюбом по имени Шон, который был крупнее меня. Я измотал его, с трудом поднимаясь на ноги каждый раз, когда он думал, что со мной покончено. Он не догадывался, что еще с детства я выработал привычку терпеть боль, как и манеру покусывать ноготь большого пальца, или держать вилку левой рукой, а не правой. Теперь мое лицо покрыто синяками и ссадинами, но я показал, на что способен.

Завтра моим противником будет Эрик. Для того чтобы победить его, понадобится нечто более серьезное, чем грамотный удар или настойчивость. Для победы мне необходимы навыки, которыми я не владею, и сила, которую я пока не развил.

– Верно, – смеется Амар. – Кстати, Четыре, я долгое время пытался понять, что с тобой такое, расспрашивал людей. Оказывается, по утрам ты отправляешься сюда, а ночи проводишь в комнате пейзажа страха. Ты совсем не общаешься с неофитами. Ты всегда изнурен, изматываешь себя и спишь как убитый.

Капля пота стекает с моего уха. Я смахиваю ее заклеенными пальцами и провожу рукой по лбу.

– Знаешь, вступить во фракцию – это совсем не то, что посвящение, – продолжает Амар, сосредоточенно проверяя, насколько крепко висит груша. – В основном лихачи заводят лучших друзей именно во время посвящения. Они находят себе парней и девушек. Врагов, в конце концов. Но ты как будто решил, что у тебя вообще ничего не будет.

Я видел, как другие неофиты вместе делают пирсинг, а потом приходят на тренировку с ярко-красными проколотыми носами, ушами, губами. Видел, как они выстраивают башни из еды на столах за завтраком. Я и подумать не мог, что способен стать одним из них. Или хотя бы попытаться. Я пожимаю плечами.

– Я привык к одиночеству.

– А мне кажется, что ты скоро сорвешься, и я не хочу быть здесь, когда это случится. Между прочим, сегодня мы играем в нашу традиционную игру. Тебе следует к нам присоединиться.

Я молча смотрю на липкую ленту на своем кулаке. Мне не стоит никуда идти и играть в игры с неофитами. Я должен остаться здесь и тренироваться, а затем поспать, чтобы быть в форме для завтрашнего боя. Но мой внутренний голос, который часто твердит мне, что я «должен», напоминает мне голос отца, требующего вести себя прилично и обособленно. А я выбрал лихачей, потому что хотел перестать его слушать.

– Я помогу тебе влиться в компанию. Имей в виду, что я за тебя переживаю, парень, – поясняет Амар. – Не глупи и не упusti хорошую возможность.

– Ладно, – соглашаюсь я. – Что это за игра?

Амар только улыбается в ответ.

* * *

– Она называется «Вызов». Девушка-лихач по имени Лорен держится за ручку сбоку вагона, но все равно шатается и едва не выпадает из него наружу. Она хихикает и спокойно втягивается внутрь, словно поезд не мчится на рельсах, расположенных на высоте двух этажей, и ей не грозит перелом шеи, если она из него выпадет. Свободной рукой она держит серебряную фляжку. Это многое объясняет. Она наклоняет голову.

– Первый игрок выбирает того, кому бросить вызов. Второй игрок, принявший вызов, выпивает, выполняет задание и получает возможность бросить вызов кому-то еще. А когда все уже выполнили задания или погибли, пытаясь это сделать, мы немного напиваемся и тащимся по домам.

– А как выиграть? – спрашивает один из лихачей с другого конца вагона. Он сидит, сутулившись, напротив Амара, будто они старые друзья или братья. Судя по его вопросу, я не единственный неопит в вагоне.

Напротив меня расположился Зик – парень, который первым спрыгнул с поезда. Рядом с ним – девушка с каштановыми волосами, челкой и проколотой губой. Остальные лихачи – явно старше нас. И они-то, конечно, уже полноправные члены фракции. Они непринужденно общаются, наваливаются друг на друга, шутливо дерутся или ерошат волосы. Атмосфера братства, дружбы, флирта. Мне это незнакомо. Я пытаюсь расслабиться, обхватив руками колени.

Я самый настоящий Сухарь.

– Выигрывает тот, кто не трусит, – отвечает Лорен. – И есть еще новое правило – чтобы выиграть, не задавай тупые вопросы. Поскольку у меня – алкоголь, то я и начну, – добавляет она. – Амар, я бросаю тебе вызов! Отправляйся в библиотеку эрудитов, когда зануды будут учиться, и выкрикни что-нибудь неприличное. – Лорен откручивает крышку от фляги и бросает ее Амару. Лихачи улюлюкают, когда Амар снимает крышку и делает глоток неизвестной жидкости.

– Скажешь, когда прибудем на нужную остановку, – кричит он, заглушая всеобщие возгласы.

Зик машет мне рукой:

– Эй, ты ведь перешедший? Четыре?

– Да, – говорю я. – Ты классно прыгнул. – Я слишком поздно понимаю, что это может быть его большим местом – момент триумфа, смазанный оплошностью и потерей равновесия. Но он добродушно смеется.

– Да, не самый лучший момент, – добавляет Зик.

– Зато, кроме тебя, никто не вызвался прыгать первым, – вставляет девушка с каштановыми волосами. – Кстати, меня зовут Шона. А правда, что у тебя только четыре страха?

– Поэтому меня так и называют, – киваю я.

– Ух, ты! – восклицает Шона. Похоже, что она впечатлена, отчего я выпрямляюсь. – Ты, наверное, урожденный лихач?

Я пожимаю плечами, дескать, возможно, и так, хотя я точно знаю, как обстоят дела на самом деле. Она не знает, что я пришел сюда, чтобы сбежать от уготовленной мне участи. А ведь я изо всех сил стараюсь пройти посвящение лишь потому, чтобы мне не пришлось признать, что я самозванец. Урожденный альтруист в результате нашел пристанище среди лихачей. Уголки ее рта расстроено опускаются, но я не пристаю к ней с расспросами.

– Как твои поединки? – спрашивает меня Зик.

– Нормально, – говорю я, демонстрируя лицо в синяках. – По мне видно.

– Зацени. – Зик поднимает голову – и я упираюсь взглядом в огромный синяк над его челюстью. – И все это – благодаря ей. – Он тычет в Шону большим пальцем.

– Он меня сделал, – улыбается Шона. – И я получила сильный удар. У меня никак не получается выиграть.

– Тебя не смущает, что он тебя ударил? – вырывается у меня.

– А почему меня должно это смущать? – удивляется она.

– Ну, хотя бы потому, что... ты девушка.

Шона обескуражена.

– Ты что, думаешь, что я не могу вытерпеть боль, как и любой другой неофит, просто потому, что у меня другое тело? – Она показывает на свою грудь, и я ловлю себя на том, что на мгновение задерживаю на ней взгляд, прежде чем соображаю отвернуться. Мое лицо пылает.

– Извини, – бормочу я. – Я совсем не то имел в виду. Я пока не привык к этому.

– Да, я понимаю, – без злобы соглашается она. – Но ты должен знать, что здесь, в Лихачестве, не важно, парень ты или девушка. Важно то, на что ты способен.

Амар поднимается, кладет руки на бедра в драматичной позе и марширует в сторону открытого дверного проема. Поезд ныряет вниз, и Амар, который даже ни за что не держится, сдвигается в сторону и качается вместе с вагоном. Лихачи резко поднимаются со своих мест. Амар прыгает первым, бросаясь в ночь. Остальные торопятся за ним, и я позволяю толпе нести меня в сторону двери. Меня пугает не скорость, а высота, на которой мы находимся, но сейчас поезд едет близко к земле, и я прыгаю без страха. Я приземляюсь на обе ноги и спотыкаюсь, прежде чем остановиться.

– Смотри-ка, ты делаешь успехи, – отмечает Амар, пихая меня локтем. – На, глотни. Похоже, тебе кое-что не помешает, – добавляет он, протягивая мне флягу.

Я никогда не пробовал алкоголь. Альтруисты никогда не пьют, поэтому достать его было нелегко. Но я видел, какими расслабленными делаются захмелевшие люди, а мне безумно хочется выбраться из своей старой кожи, в которой теперь слишком тесно. В итоге я несколько не сомневаюсь – беру флягу и пью. По вкусу алкоголь напоминает лекарство – обжигает меня, но быстро проходит дальше – в пищевод. Потом по моему телу разливается тепло.

– Неплохо, – одобряет Амар, подходит к Зик, обвивает его шею рукой и тянет на себя. – А ты уже познакомился с моим юным другом Изекилем?

– То, что меня так называет мама, не значит, что ты должен звать меня так же, – бурчит Зик, отталкивая Амара, и поворачивается ко мне. – Наши родители были друзьями.

– Были?

– Мой отец, бабушка и дедушка умерли, – признается Зик.

– А что с твоими родителями? – спрашиваю я у Амара.

Он хмурится.

– Они умерли, когда я был маленьким. Несчастный случай в поезде. Очень грустно. – Амар улыбается, будто он ни капли не расстроен. – А мои дедушка с бабушкой совершили прыжок, когда я стал официальным членом Лихачества. – Он делает быстрое движение рукой, напоминающее нырок.

– Прыжок?

– Ой, только не рассказывай ему ничего, пока я здесь, – просит Зик, качая головой. – Я не хочу видеть выражение его лица.

Амар не обращает на него внимания.

– Пожилые лихачи иногда совершают прыжок в неизвестность, достигнув определенного возраста. У них есть выбор – либо прыгнуть, либо остаться без фракции, – объясняет Амар. – Мой дедушка был болен раком. А бабушка не хотела жить без него. – Амар умолкает, смотрит

на ночное небо, и в его глазах отражается лунный свет. На какое-то мгновение мне кажется, что он показывает мне свою другую сторону, тщательно спрятанную под слоем обаяния, юмора и напускной храбростью лихача. И я невольно пугаюсь, потому что тайная часть его души – тяжелая, холодная и грустная.

– Мне очень жаль, – выдавливаю я.

– Зато я хотя бы с ними попрощался, – продолжает Амар. – Чаще всего смерть приходит независимо от того, успели ли вы попрощаться или нет.

В одну секунду его тайная сторона исчезает вместе с новой искрящейся улыбкой, и Амар подбегает к лихачам с фляжкой в руке. Я тащусь сзади вместе с Зиком, который ходит размашистым шагом – неуклюже и грациозно одновременно, как дикая собака.

– А что насчет тебя? – спрашивает Зик. – У тебя есть родители?

– Один родитель, – отвечаю я. – Мама давно умерла.

Я помню похороны, когда альтруисты заполнили наш дом тихой болтовней, разделив с нами горе. Они приносили нам еду на металлических подносах, накрытых фольгой, мыли нашу кухню и убрали в коробки всю мамину одежду, чтобы ничего о ней не напоминало. Я помню, как они шептали, что она умерла от осложнений во время беременности. Но я не забыл, что за несколько месяцев до смерти она стояла перед комодом, расстегивая просторную рубашку, под которой виднелась облегающая майка, и ее живот был плоским. Я слегка трясую головой, прогоняя старые образы. Ее уже нет. Детским воспоминаниям нельзя всецело верить.

– А твой отец поддерживает твой выбор? – интересуется Зик. – Скоро День посещений, ты ведь в курсе.

– Нет, – отвечаю я отстраненно. – Он меня совсем не поддерживает.

Мой отец не придет в День посещений, тут уж я уверен. Он больше никогда не будет со мной разговаривать.

В секторе Эрудии чище, чем в любой другой части Города, на тротуарах нет ни мусора, ни валунов, а каждая трещина на улице залита гудроном. Кажется, что нужно ступать аккуратно, чтобы не испортить тротуар кроссовками. Лихачи беззаботно идут рядом, хлюпая подошвами ботинок, – звук напоминает шум дождя. Штаб-квартирам фракций разрешено включать свет в холле в полночь, но в остальных местах должно быть темно. Но здесь, в секторе Эрудии, озарены здания всех штаб-квартир. Я прохожу мимо домов с ярко освещенными окнами и вижу эрудитов. Они устроились за длинными столами, погружившись в книги или мониторы. Иногда они тихо общаются между собой. И молодые, и старые члены фракции сидят за одними столами в безупречной синей одежде, с гладкими волосами. Более половины из них – в блестящих очках. Отец назвал бы их тщеславными. Они очень беспокоятся о том, чтобы выглядеть всезнайками, и поэтому, по мнению Маркуса, выглядят глупо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.